

Т. В. Кирпиченко

МОЗАИКА ЖИЗНИ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Среди новых книг, поступивших недавно в фонд Дальневосточной государственной научной библиотеки, моё внимание привлекла вышедшая в Москве книга Александра Колмогорова «Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой». Захотелось узнать, имеет ли Надежда Лухманова отношение к известному на Дальнем Востоке моряку, капитану знаменитого парохода «Атаман», который плавал по Амуру ещё в XIX веке со свитой генерал-губернаторов С. М. Духовского и Н. И. Гродекова.

Оказалось, Надежда Александровна Лухманова — мать нашего капитана Дмитрия Афанасьевича Лухманова. Мало того, из текста книги стало понятно, что и некоторые другие члены этой многочисленной семьи имеют отношение к Дальнему Востоку. В разное время здесь побывали и сама Надежда Александровна, и её сыновья, и внук. А автор книги «Мне доставшееся» Александр Григорьевич Колмогоров — правнук Надежды Лухмановой. Ему в руки в 1991 году попал небольшой семейный архив Колмогоровых — Лухмановых. Это и стало поводом написать книгу и рассказать о сложных, а подчас трагических судьбах своих предков.

Несколько лет А. Г. Колмогоров изучал семейные реликвии, погрузившись в перипетии бурной жизни забытой русской писательницы Надежды Лухмановой, её мужей, детей, внуков¹. Увлекательнейшие исторические и биографические исследования жизни многочисленных родственников автор проводил также в десятках архивов и музеях.

В своей книге А. Г. Колмогоров делает упор на историю жизни главной героини — писательницы, переводчицы, драматурга и автора ярких публицистических произведений Надежды Александровны Лухмановой (в девичестве Байковой). Перед читателями предстаёт её непростая писательская судьба, сложные отношения с четырьмя мужьями: Афанасием Лухмановым, Виктором Адамовичем, Александром Колмогоровым, Михаилом Гейслером, трагедия, связанная с рождением четырёх незаконных детей — Дмитрия, Бориса, Марии и Григория. Её судьба полна драматизма. Из-за неординарных поступков, которые сопровождали всю жизнь Надежды Александровны, её называли «неистовая Надежда». Свой последний отчаянный поступок она совершила незадолго до смерти, когда в возрасте 62 лет добилась

¹ Впервые в 2019 г. в МГУ была защищена кандидатская диссертация по творчеству Н. А. Лухмановой (Левицкая Т. В. «Творческий путь Н. А. Лухмановой (1841–1907)»).

разрешения отправиться на Русско-японскую войну корреспондентом Российского общества Красного Креста, «Петербургской газеты», харьковской газеты «Южный край» и сестрой милосердия. Надежда Лухманова стала одной из первых женщин — военных корреспондентов. Многих желающих просто не допустили до передовой, а Надежда Александровна попала на фронт лишь потому, что официально ехала на войну сестрой милосердия.

За оказание помощи раненым под огнём противника Н. А. Лухманова была награждена золотой медалью на Георгиевской ленте.

Честно Надежда Александровна отработывала и свой журналистский хлеб. Помимо прямых обязанностей сестры милосердия, она побывала в двух маньчжурских армиях и присылала потрясающие репортажи с полей сражений, 50 её репортажей с мест событий опубликовала газета «Южный край» и 90 — «Петербургская газета» [1, с. 190; 6, с. 214].

В одном из первых репортажей она пишет: «Почему я еду? Ужас ожидания неизбежности отнял бы у меня способность работать, изнылось бы моё сердце. Где уж тут писать статьи о вопросах гражданской жизни?! Один выход — бежать туда, где страдают, и там, исполняя обязанности матери, сестры, няньки, стряпухи, подкармливая и выхаживая раненых, забыть собственный страх и довести себя до такой покорности, когда вся молитва к Господу будет сосредоточена в одном вопле: “Да будет воля твоя!!!”» [Цит. по: 1, с. 184].

Её дневниковые записи, приведённые в книге «Мне доставшееся», дают полную картину того, в каких нечеловеческих условиях приходилось существовать и помогать раненым в обстановке боевых действий врачам и сёстрам милосердия на войне. «23 мая. ...Первое общение с тяжелораненым. Он пытается говорить и просит образок на шею. Я сижу у него на кровати, вытираю платком пот с его лица, а за моими плечами уже дышит холодом смерть, давно вошедшая сюда и почему-то не решающаяся прекратить страдания своих жертв...» [Цит. по: 1, с. 186–187]

В своём дневнике Надежда Александровна отмечает, что 13 июня 1904 года она побывала в Хабаровске, куда привезли раненых с фронта и двинулись дальше в Никольск-Уссурийск и во Владивосток, где она прочитала лекцию «О положении военных лазаретов на Дальнем Востоке» и доклад «Русская женщина как гражданка, мать и сестра милосердия» [1, с. 187 ; 6, с. 214].

В октябре 1904 года в госпитале, где служила Надежда Александровна, произошла радостная и горькая встреча с сыном, куда Борис Адамович — второй сын Надежды Александровны — поступил на излечение.

Капитан Борис Викторович Адамович прошёл Русско-японскую войну, служил в Маньчжурии до самого подписания Портсмутского мира. Позже генерал Адамович прославился как военный историк, организатор нескольких музеев и писатель. Не желая участвовать в Гражданской войне, он эмигрировал в Югославию, был начальником Русского кадетского корпуса.

Талант будущего писателя проявился уже в дневниковых записях периода Русско-японской войны. В книгу А. Колмогорова «Мне доставшееся» включены выдержки из полевых дневников капитана Бориса Адамовича. «Ужасная, тягостная ночь на 14 августа. Сопку со всех сторон окружил туман. Начался дождь, захлестнуло холодной водой, зазнобило от сырости. Об огнях, кострах и палатках не могло быть и речи... Мы лежали на камнях, кутаясь в накидки. Вода стекала ручьями, внизу в лощине неожиданно заревела река... Не выдержав напора противника, 10-й армейский корпус с арьбергскими боями отошёл на Ляоянские позиции. И началось сражение...

...Далеко за горами вправо прогремели выстрелы, но гул этого первого залпа не оборвался, как бывало прежде, а слился с новыми ударами и раскатами. Отдавало ли эхо в горах, врывались ли новые батареи в общий страшный хор, только грохот и раскаты росли, сглаживали для уха представление о стрельбе орудий и отдельных батарей и сливались в какой-то потрясающе-кипящий взрывами гудящий рокот... Без усталости, без минуты вдоха эта ужасная канонада ревела, стонала, злилась, скрежетала, сея разрушение, гибель и смерть... Две силы бросались глыбами чугуна, свинца и стали...» [Цит. по: 1, с. 199].

Надежда Александровна была на Русско-японской войне до самого конца. Выехав из Петербурга 14 апреля 1904 года, она вернулась в родной город лишь 30 марта 1906 года. После подписания в Портсмуте мирного договора, она, несмотря на возраст, усталость и неважное здоровье, добилась у командующего Дальневосточными войсками Н. П. Линевица разрешения на поездку в Японию на одном из транспортов, вывозивших раненых русских пленных. Через Владивосток Надежда Александровна попала в Японию и была там четыре месяца, пытаясь разобраться, почему маленькая Япония смогла выиграть у огромной Российской империи эту войну?

Оттуда, из страны-победительницы, она будет писать о причинах поражения России. Отрывки из её дневников этого периода, впечатления и наблюдения включены в книгу А. Колмогорова.

В Японии она больше всего внимания уделяет воспитанию детей, логично считая, что успех противника заключается в какой-то особенной и очень

эффективно поставленной системе воспитания патриотизма не только будущих воинов, но и всей нации. Нередко она вспоминала слова А. Н. Куропаткина, высказанные ей при аудиенции: «...Здесь не Россия сражается с Японией, а только русское воинство с целой страной!» [Цит. по: 1, с. 192].

В своих заметках о Японии Надежда Александровна пишет: «Конечно, большую часть моего времени и самое напряжённое внимание в этой стране я отдала школам. Где же ещё, как не в этом зерне всей гражданской жизни, было искать объяснение того необыкновенного подъёма духа и яркого проявления патриотизма, которые так сильно поражали нас в японцах за время последней войны.

Начальное образование в Японии поставлено удивительно хорошо. Уже то, что дети бегут на занятия как на праздник, доказывает, что для них учебное заведение есть второй отчий дом. В основе всего их воспитания лежит развитие патриотизма — чувства любви к Родине, уважения к её законам, полное знание истории страны, в которой ярко отмечаются всё славное, все имена героев. Большое внимание обращено на иностранные языки, в особенности английский, на гимнастику, танцы, словом на всё, что может развить не только ум, но ловкость и физические силы ребёнка.

Костюмы детей мало разнятся по качеству материала и однотипны в покрое. Даже маленькая принцесса крови Кайономия, которую я видела в одной из школ, и та на вид решительно ничем не отличалась от своих подруг. Директор рассказал мне, что когда по праздникам ученики приходят навестить его и поздравить, то только тогда проявляется громадная сословная разница по цене и качеству материи и украшений на них. Но даже и в этом случае учителя стараются советом сдерживать в подростках всякое щегольство. «Школа ровняет все недостатки и выделяет только сокровища ума и души» — это аксиома!

Религия в школах не преподаётся совсем. Она заменяется сознанием разума, включающим три основных понятия: почитание умерших предков и старание поддержать покой их душ честными и добрыми делами; любовь к Родине, готовность отдать за её процветание и славу свою жизнь и имущество; развитие в себе трудолюбия, честности и довольства своим положением.

Вот качества, которыми японская школа в корне отличается от всякой европейской. Из всего взятого ими от Европы они учатся извлекать максимальную пользу, как сок из плода. Новое и необычное умело используется, но вовсе не ассимилируется в их жизни. Японец всегда остаётся самым собой, как высоко он ни был бы цивилизован» [Цит. по: 1, с. 217].

«Вот чем силён и непобедим этот народ — своей страстной привязанностью к земле, морю, солнцу, обычаям, могилам предков, храмам и... правительству!!!» [Цит. по: 1, с. 218].

Вернувшись из Японии, Надежда Александровна прожила недолго и тихо скончалась в Ялте в воскресенье 25 марта 1907 года на 66 году жизни. Вызванный телеграммой сын Дмитрий уже не застал её в живых.

О старшем сыне Н. А. Лухмановой Дмитриии Афанасьевиче Лухманове — особый разговор. Какое-то время он носил имя родного отца и звался Адамович Дмитрий Викторович. Но в истории остался как Дмитрий Афанасьевич Лухманов, очень известный капитан дальнего плавания. Он объехал весь земной шар, плывал на Амуре, на Волге, на Каспии, по Чёрному морю на паруснике. Стал писать книги, и в 1903 году вышел в свет его первый сборник «Морские рассказы». На Дальнем Востоке он занимал должность директора-распорядителя Доброфлота в Гонконге, в Нагасаки, а потом во время Гражданской войны возглавил Доброфлот во Владивостоке. Позднее был директором Ленинградского морского техникума и капитаном легендарного парусника «Товарищ». Стал одним из первых Героев Социалистического Труда Российской Федерации.

Дальневосточная история Дмитрия Лухманова началась с возникновения в 1895 году нового Амурского общества пароходства и торговли, которое предполагало открытие линий с Николаевском-на-Амуре, Владивостоком, Нагасаки и Шанхаем. Дмитрий Лухманов был приглашён в него на должность капитана. Во второй половине мая 1895 года Дмитрий Афанасьевич отправился на Дальний Восток, оставив в Астраханском порту, где он тогда служил, жену с двумя малолетними детьми: дочерью Ниной и сыном Борисом — будущим лоцманом шанхайского порта.

Амурский период жизни Дмитрия Афанасьевича на приграничных с Китаем и Маньчжурией реках растянулся на долгие шесть лет. Служба на Амуре оказалось очень непростой. Все перипетии работы в Амурском обществе пароходства и торговли подробно описаны в его книжке «На капитанском мостике», вышедшей в Хабаровске в 1941 году [4]. В этой небольшой, давно ставшей редкостью книге особый интерес представляют характеристики некоторых людей, с которыми Д. Лухманов общался во время экспедиций по Амуру и Сунгари: купца Тифонтая, фотографа Э. Нино, барона Будберга, И. Надарова, А. Сильницкого и других.

В феврале 1897 года штаб Приамурского военного округа ввиду предстоящего образования Амурско-Уссурийской казачьей флотилии предложил

Д. А. Лухманову принять (по личному указанию командующего генерал-лейтенанта С. М. Духовского) должность её командира и капитана одного из новых колёсных пароходов «Атаман» с окладом 250 рублей в месяц [4, с. 80]. Дмитрий Афанасьевич согласился и прослужил командиром «Атамана» до середины февраля 1901 года, побывав на нём во всех казачьих станицах от Нерчинска до устья Амура и заслужив благодарность нового командующего округом генерал-лейтенанта Н. И. Гродекова и орден Святого Станислава 3-й степени.

Пароход «Атаман» был предназначен главным образом для поездок приамурских генерал-губернаторов — сначала С. М. Духовского, а потом Н. И. Гродекова со свитой. И в этом была особая сложность. В начале новой службы Д. Лухманову пришлось столкнуться с недоверием, испытать несправедный гнев и вспышки самодурства начальства.

Учитывая время, когда Д. Лухманов писал свои воспоминания о службе на Амуре, понятно негативное отношение и к свите генерал-губернаторов, и к самим высоким начальникам. Вот как он характеризует их в книге «Жизнь моряка»: «Духовской был переведён на должность туркестанского генерал-губернатора, а его место занял его заместитель — генерал-лейтенант Николай Иванович Гродеков.

Гродеков был тоже “скобелевец”, тоже георгиевский кавалер и тоже самодур, но в другом роде и из другого теста. Духовской был типичный гвардейский “пижон”, достигший высокого чина и положения не столько благодаря личным достоинствам, сколько благодаря петербургским связям супруги, урождённой княжны Голицыной. Гродеков был из “бурбонов”, создавших себе карьеру упорным трудом и службой. В то время как Духовской “проскочил” Академию Генерального штаба, Гродеков прошёл её курс основательно и даже написал ряд трудов по тактике. У Скобелева он прославился как неутомимый исследователь среднеазиатских степей, как пунктуальный исполнитель самых трудных и рискованных поручений и как жестокий усмиритель непокорных туркмен, узбеков и других “инородцев”.

Это был старый холостяк, службист с претензией на военную учёность, вёл скромный образ жизни, ничего не пил и не курил. Он никогда не горячился и не нервничал, носил мягкие сапоги на низких каблуках, говорил никогда не повышая голоса и имел привычку потирать руки. Он был небольшого роста, плотный, совершенно лысый, с острыми тёмными глазами под почти чёрными густыми бровями, носил золотые очки и подстриженные на восточный манер полуседые усы и бородку.

Духовской пугал окружающих, “тихий” Гродеков был страшен. Он мог спокойно, не повышая голоса, сказать “расстрелять”, и ничто не заставило бы его отменить раз данное распоряжение» [3, с. 293].

Лухманов с некоторым сарказмом отмечал, что Н. И. Гродеков любил устраивать различного рода проверки и не доверял никому из своего окружения. Даже категорический запрет Гродекова использовать солдат не только для личных услуг офицеров, но даже для хозяйственных работ в воинских частях вызывает у автора книги недоумение.

После событий Боксёрского восстания 1900 года, в которых Д. А. Лухманову пришлось участвовать, он оставил службу на «Атамане», устроился временным помощником капитана на судно, отплывающее в Чёрное море, чтобы оттуда добраться до Петербурга, повидаться с матерью.

Лухманов пишет: «Я уезжал до весны, но случилось так, что вернулся на Дальний Восток, и то не на Амур, а к его морским берегам, только много лет спустя. Годы Октябрьской революции застали меня на посту главного агента Добровольного флота в Японии» [4, с. 127].

В 1920 году в занятом японскими интервентами Владивостоке Д. А. Лухманов возглавил Доброфлот, и, благодаря его неутомимой энергии, 16 морских пароходов бывшего Добровольного флота не удалось угнать в Чёрное море в распоряжение Врангеля. Эти корабли послужили основой советского тихоокеанского транспорта Наркомвода. За эту работу и ряд научных трудов по морскому делу Д. А. Лухманов был награждён званием Героя Труда РСФСР. Но большие заслуги и награды не спасли его от репрессий, когда в 1937 году в Хабаровске арестовали его сына Николая.

Судьба Николая Дмитриевича Лухманова — внука Надежды Александровны Лухмановой и сына Дмитрия Афанасьевича от второго брака — тоже тесно связана с Дальним Востоком. Он окончил английскую спецшколу в Нагасаки, когда отец служил там морским агентом Доброфлота, хорошо знал французский, английский, немецкий, китайский, японский языки и поэтому в 1922 году в Москве легко поступил на восточный факультет Военной академии РККА. В 20 лет, окончив академию, стал работать в МИД, а с апреля 1925 года был назначен переводчиком советского консульства в Хакodate и принял участие в переговорах по возвращению СССР захваченного японцами в 1920 году Северного Сахалина. Талант переводчика Николая Лухманова был замечен начальником первой советской разведки Берзиным, и в качестве сотрудника ГРУ он был отправлен в 1929 году в разведотдел штаба Сибирского военного округа, который находился во Владивостоке.

В это время на Дальнем Востоке разгорался конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), и Николай Лухманов оказался в самой гуще событий. Для отпора надвигающейся агрессии Китая и защиты дальневосточных границ была создана Особая Дальневосточная армия, позже — Краснознамённая — ОКДВА, усилиями которой были завершены военные действия и подписан Хабаровский протокол, который положил конец конфликту. По итогам успешного завершения военных действий на КВЖД младший командир Н. Лухманов был награждён нагрудным знаком с надписью «Бойцу ОКДВА. ОСОАВИАХИМ».

С января 1930 года Николай Лухманов служил военным переводчиком штаба армии, преподавал на курсах переводчиков при разведотделе и написал книгу «Справочник командира ОКДВА по японскому языку», изданную в Хабаровске в 1934 году.

Наступали зловещие времена... Один за другим проходили московские процессы 1930-х годов, разоблачавшие врагов народа, добрались и до военных... Начались аресты среди офицеров ОКДВА.

Видимо, почувствовав неладное, Николай Лухманов в 1937 году уезжает с семьёй на весь июль в отпуск. На обратном пути он посетил родных в Севастополе, в Симферополе он оставил 7-летнего сына Диму у бабушки и тогда только вернулся с женой в Хабаровск, где был вскоре арестован на служебной квартире как участник троцкистской японо-шпионской организации. Копия протокола обыска была вручена жене М. С. Горелик (Лухмановой), военному переводчику штаба ОКДВА, которая, поняв, что ей как жене врага народа уготованы годы лагерей, а её единственному ребёнку — детский дом, срочно покинула Хабаровск.

На долю арестованного Николая Лухманова выпали все страшные испытания и пытки, которые применялись в то время, чтобы добиться у подсудимых признания во всех несуществующих грехах. Поэтому неудивительно, что Николай «признался» палачам в том, что он был членом военно-троцкистской организации, участником фашистского заговора в ОКДВА и японским шпионом-резидентом в штабе армии. И хотя на суде он отказался от своих слов и отрицал все обвинения, всего 15 минут хватило судьям, чтобы решить его судьбу — лишить звания капитана и приговорить к расстрелу. В архивах сохранился акт о приведении в исполнение высшей меры наказания. Только в 1956 году приговор в отношении Н. Д. Лухманова от 11.09.1938 был отменён и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

В тот период, когда сын Николай был арестован, пострадала и вся семья Дмитрия Афанасьевича Лухманова. Была арестована его третья жена О. М. Ошанина и их сын В. Ошанин. Попали в застенки НКВД дочь Ксения и её муж капитан-лейтенант Гольдберг, служивший на Дальнем Востоке. Больше 10 месяцев Дмитрия Афанасьевича мучили, били по ногам ремнями. И только благодаря тому, что в это время был снят с должности Ежов и его место занял Берия, наступило временное послабление и из тюрем были выпущены несколько тысяч человек, которые ещё не были осуждены. В том числе вся семья Дмитрия Афанасьевича Лухманова. Дела были прекращены, с них сняли судимости, и все были освобождены, кроме Николая, которого к этому времени уже расстреляли.

После освобождения Дмитрий Афанасьевич продолжал работать. Он трудился в Министерстве морского флота капитаном-навигатором до самой своей смерти в 1946 году...

В книге Александра Григорьевича Колмогорова «Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой» ещё очень много героев и судеб. Из рассказов о жизни, полной приключений, страстей, горестей и радостей многочисленных потомков Надежды Лухмановой, складывается сложная и пёстрая мозаика. В этой семье было много ярких личностей, таких, например, как сводный брат Дмитрия Афанасьевича Лухманова Георгий Адамович и его сестра Татьяна. Георгий известен как поэт Серебряного века, член гумилёвского «Цеха поэтов», крупнейший литературный критик русского зарубежья и создатель литературной школы «Парижская нота», а Татьяна Адамович (Высоцкая) — выпускница Смольного и Института ритмической гимнастики, руководила собственной балетной школой в Петрограде, дружила с Анной Ахматовой и была музой Николая Гумилёва.

Но в этой статье сделана попытка рассказать лишь о тех предках А. Колмогорова, чьи судьбы в разные периоды истории были связаны с Дальним Востоком.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Колмогоров, А. Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой / А. Колмогоров. — Москва : Аграф, 2013. — 459 с.

2. Левицкая, Т. В. Творческий путь Н. А. Лухмановой (1841–1907) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. В. Левицкая ; [место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»]. — Москва, 2019. — 40 с.

3. Лухманов, Д. Жизнь моряка / Д. Лухманов. — Ленинград : Лениздат, 1985. — 511 с.
4. Лухманов, Д. На капитанском мостике / Д. Лухманов. — Хабаровск : ОГИЗ : Дальневост. гос. изд-во, 1941. — 160 с.
5. Лухманов, Д. На палубе : из воспоминаний / Д. Лухманов. — Москва : Совет. писатель, 1938. — 250 с.
6. Тончу, Е. А. Женщина и литература. В 2 т. Т. 1 / Е. А. Тончу. — Москва : Изд. дом ТОНЧУ, 2015 — 679 с. : ил.